

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОСИТЕЛЕЙ КРОТОВСКОЙ И АНДРОНОВСКОЙ (ФЕДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

© 2022 г. В. И. Молодин^{1, 2, *}, Л. С. Кобелева^{1, 2, **}

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

² Томский государственный университет, Томск, Россия

*E-mail: molodin@archaeology.nsk.ru

**E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.03.2022 г.

После доработки 18.03.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

Представлены первые результаты исследований нового памятника эпохи развитой бронзы в Венгеровском р-не Новосибирской обл. (Барабинская лесостепь). Уникальный комплекс, исследованный на уровне современного мультидисциплинарного подхода, включает остатки нескольких столбовых ям, врезанных в материк. Кроме того, обнаружены следы двух кострищ, содержащих фрагменты керамики и раздавленные сосуды. В культурном слое, и особенно, в зольнике обнаружено большое количество керамики и костей животных со следами рубки. Согласно предварительно проведенным определениям, кости принадлежат домашним животным – корове, овце и, в меньшей степени, лошади. Форма и орнаментация керамики характерна для классической андроновской (федоровской) посуды. При этом рассматриваемый комплекс ничем не отличается от погребальной посуды носителей культуры, хорошо известной по раскопкам здесь многочисленных андроновских (федоровских) могильников. Важно отметить, что наряду с андроновской посудой, в культурном слое найдено незначительное количество фрагментов керамики кротовской культуры. Полученные материалы на поселении Тартас-5 пока однозначно не подтверждают сосуществование носителей кротовской и андроновской (федоровской) керамики в рамках одного поселка. Возможно, что мигранты с запада обосновались на территории уже оставленного аборигенами места обитания.

Ключевые слова: Западная Сибирь, эпоха бронзы, андроновская (федоровская) культура, кротовская культура, поселение, керамика.

DOI: 10.31857/S0869606322030126

Уже около полувека на территории Барабинской лесостепи ведутся раскопки памятников эпохи развитой бронзы. На заключительной стадии бытования автохтонного для этого региона населения кротовской культуры (позднекротовская (черноозерская) культура) наблюдается активное влияние на него с запада представителей андроновской культурно-исторической общности. Сначала это воздействие было опосредованным и проявлялось в некоторых новациях в керамической посуде классической кротовской культуры (например, появление штрихованных треугольников по венчику) (Молодин, 1977. С. 68). Все более интенсивное воздействие европеоидного населения приводит к полной смене у аборигенов прежде всего оружия и украшений. На смену кельтам и копьям сейминско-турбинского типа приходит металл срубно-андоновского облика, представленный на погребальных памятниках. Наряду с этим явлением автохтон-

ные каноны (прежде всего погребальной практики) у носителей культуры по-прежнему существуют (захоронения рядами в грунтовых могильниках, на спине, в вытянутом положении, головой на СВ) (Молодин, Гришин, 2019).

Наконец, все более активные контакты аборигенов (кротовцев) и пришельцев, вероятно, прежде всего андроновцев (федоровцев), все более усиливаются, приводя к смешению населения, что находит отражение на генетическом и антропологическом уровне (Molodin and al., 2012. С. 93–100) и проявляется в том числе в синкретизме инвентаря и погребальной практики.

После масштабных исследований могильников Сопка-2 и Тартас-1, где были выявлены яркие следы проникновения сюда носителей андроновской историко-культурной общности, выяснилось, что следы активного проникновения в Барабу были неоднократны как в хронологическом,

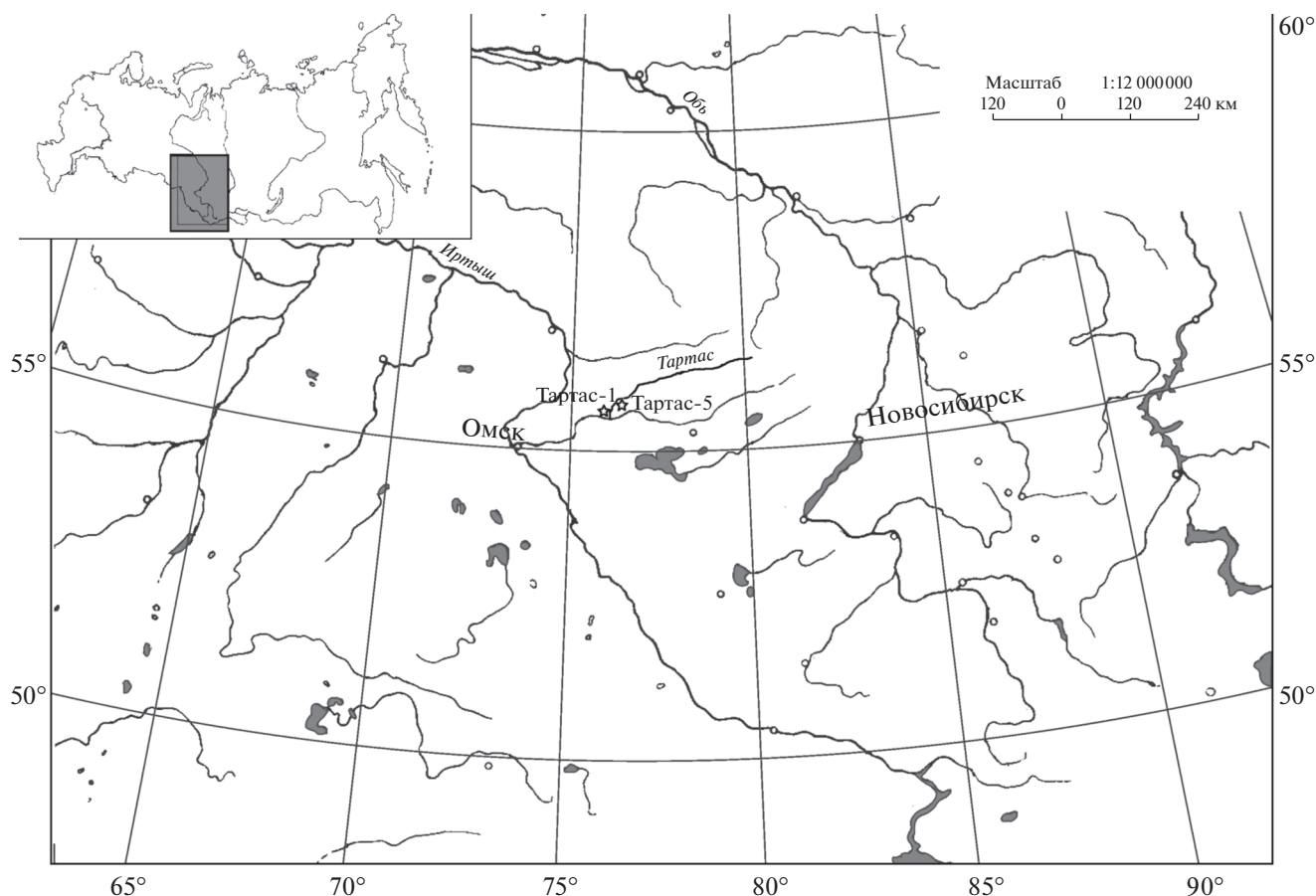

Рис. 1. Поселение Тартас-5, могильник Тартас-1. Физико-географическое положение.

Fig. 1. The settlement of Tartas-5, the burial ground of Tartas-1. Physical and geographical location

так и в культурном отношении, что делает в целом данную проблему значительно более сложной и многообразной, чем это представлялось ранее (Молодин, 2011).

В этой связи каждый новый поселенческий комплекс, содержащий материалы обеих культур, исследованный на уровне современного мультидисциплинарного подхода, трудно переоценить. Немаловажно также то, что если поселки носителей кротовской культуры в Барабе исследованы и хорошо известны, то для андроновцев (федоровцев) такие памятники практически не изучены.

Новейшие материалы по данной проблематике авторы предлагают в настоящем исследовании.

Поселение Тартас-5 было открыто в 2020 г. при осмотре разрушающейся части пойменной террасы левого берега р. Тартас, в урочище Таи (рис. 1, 2).

Культурный слой перекрыт мощной толщей речных отложений, что полностью сnivelировало рельефные признаки памятника (если они, конечно, изначально существовали). И в древности, и в настоящее время урочище Таи полностью за-

топляемо (в отдельные годы максимального обводнения — вообще круглогодично). Данное обстоятельство делает выявление поселенческих культурных слоев делом крайне сложным. Очевидно, что именно по этой причине напластования, связанные с обитателями Барабинской лесостепи в периоды крайне сухого климата, чаще всего расположены на достаточно низких поймах: впоследствии, с изменением климата в сторону увлажнения, эти слои оказывались погребенными русловыми осадками разливающихся рек. Именно так было в регионе с культурными слоями ранней и, периодически, развитой бронзы, что неоднократно зафиксировано уже в начале планомерного изучения археологии Барабинской лесостепи (Молодин, Зах, 1979). Поэтому не случайно, что слои андроновских (федоровских) поселений до настоящего времени были практически не найдены в регионе, исключая незначительные сборы и раскопки, проведенные опять-таки на памятниках, расположенных в пойме (Старый Тартас-1) (Молодин, Ненахов, Селин, 2016) или высокой пойме (Каргат-6) (Молодин, Новиков, Софейков, 2000).

Рис. 2. Поселение Тартас-5 до начала исследования.

Fig. 2. The settlement of Tartas-5 before investigations started

Указанное обстоятельство делает поиски андроновских поселений делом весьма сложным, требующим глубоких знаний и интуиции исследователя, а также масштабных шурфовок. Вместе с тем проблема эта в настоящее время чрезвычайно актуальна.

Памятник Тартас-5 расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл. в 2,4 км к Ю от с. Венгерово, на краю левого берега пойменной террасы, в излучине реки, где р. Тартас постоянно меандрирует, изменяя направления своего русла (рис. 1, 2). Прекрасным ориентиром является дорога, расположенная примерно в 300 м от противоположного берега реки, упирающаяся в мост через р. Тартас.

Для проведения стационарных раскопок выбран участок памятника, ориентированный вдоль береговой линии, где было зафиксировано максимальное количество подъемного материала, площадью 52×2 м; таким образом, общая площадь раскопа составляла 108 м^2 (рис. 3). Раскоп был разбит на 13 секторов, для наблюдения над стратиграфией оставлялись 12 контрольных бровок, а также фронтальная стенка (рис. 4). Разборка грунта шла горизонтами по всей площади раскопа, с ориентацией на стратиграфические слои. Особое внимание, включая фиксацию находок, уделялось культуросодержащим слоям. Таких слоев на памятнике выявлено два. Верхний слой

(слой 4), содержал невнятные, с культурной точки зрения, находки, ориентировочно относимые нами к эпохе железа(?). Полученный материал наиболее близок посуде, выявленной В.И. Матющенко на памятнике Ростовка в низовьях р. Оми, который относится к раннему железному веку (Матющенко, Синицына, 1988. Рис. 90, 91).

Нижний культурный слой 9 и прилегающие к нему слои содержали культурные остатки эпохи развитой бронзы. Между выраженными культурными слоями выявлена мощная пачка отложений, не содержащих культурных остатков и являющихся, с точки зрения археологии, стерильными.

Нижний культурный слой весьма насыщен материалом.

Остановимся на краткой характеристике стратиграфии (рис. 4, 5). В данном случае мы концентрируем ваше внимание на продольной и одной поперечной стенке раскопов, которая была обнажена до уровня руслового песка. Именно эти разрезы наиболее полно демонстрируют стратиграфическую ситуацию на данном участке памятника. Описание слоев приводится сверху вниз.

Слой 1 – дерново-гуммусный слой (современная почва), мощностью от 0,03–0,07 м от дневной поверхности.

Слой 2 – желто-белесый, слоистый суглинок, мощностью 0,04–0,14 м. Выявлен практически по

Рис. 3. Участок поселения Тартас-5 в процессе исследования. Фото с квадрокоптера.
Fig. 3. The site of the Tartas-5 settlement under investigation. A photo taken with a drone

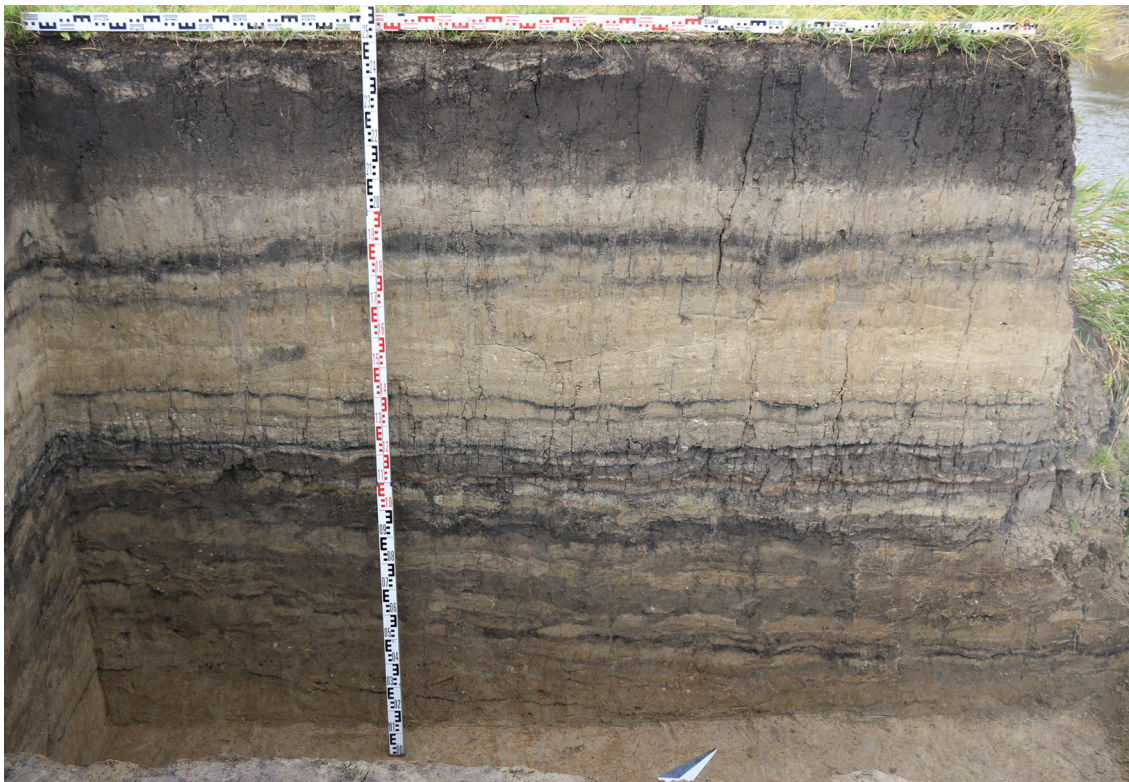

Рис. 4. Стратиграфический разрез (северная стенка раскопа) поселения Тартас-5. Фото.
Fig. 4. Stratigraphic section (northern wall of the excavation site) of the Tartas-5 settlement. A photo

всей площади раскопа под дерном. Частично нарушен ходами грызунов и морозобойными трещинами. Образование слоя связано с осадками водных отложений.

Слой 3 – серо-желто-черный слоистый мешаный суглинок. Мощность слоя до 0.2 м. Прослежен по всей площади раскопа. Имеет слоистую структуру, образованную, по-видимому, из-за сезонных, сменяющих друг друга, сравнительно кратковременных периодов затопления и осушения поймы реки.

Слой 4 – темно-серый (черный) гумусированный суглинок (культурный слой). Прослежен по

всей площади раскопа. Мощность его изменялась от 0.3 до 0.55 м. Содержал малочисленные фрагменты керамики и дробленых костей животных. Объем материала уменьшался по направлению к северной части раскопа. Слой относится к эпохе раннего железа.

Слой 5 – плотный мешаный серо-желтый суглинок. Мощность – 0.01–0.2 м. Залегал по всей площади раскопа. Линзы и прослойки слоя выявлены в слоях 4 и 6. Также слой выявлен под слоем 9. Каких-либо находок не содержал. Его генезис связан исключительно с затоплением поймы.

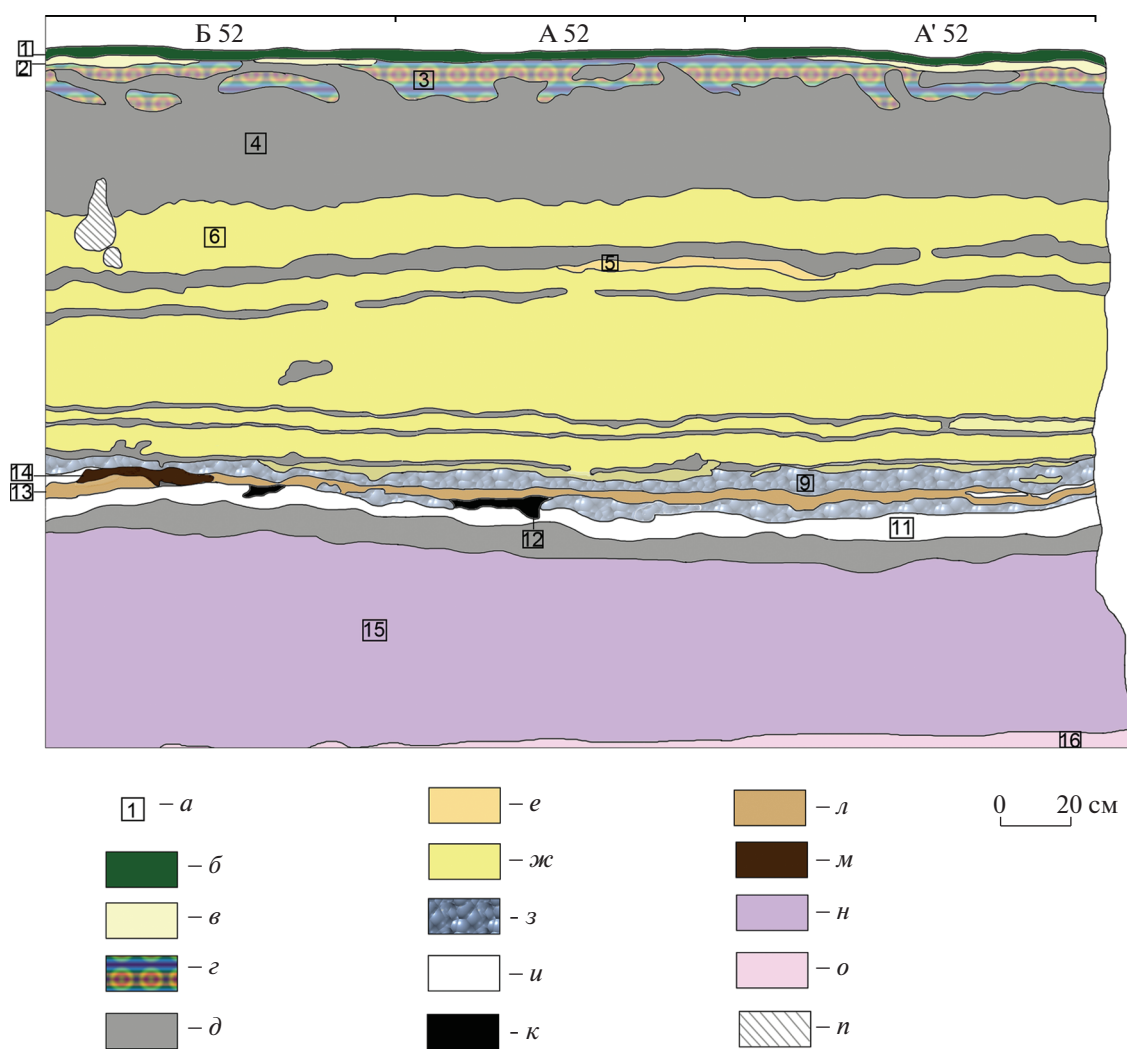

Рис. 5. Стратиграфический профиль (северная стенка раскопа) поселения Тартас-5. Рисунок.

Условные обозначения: *a* – номер слоя, *б* – дерн, *в* – желто-белесый слоистый суглинок, *г* – серо-желто-черный слоистый мешаный суглинок, *д* – темно-серый (черный) гумусированный суглинок, *е* – серо-желтый плотный мешаный суглинок, *ж* – белесо-желтый плотный с включениями черного и коричневого суглинок, *з* – темно-серый мешаный с желто-белесыми включениями суглинок, *и* – желто-белесая почва с вкраплениями пепла и золы, *к* – темно-серая (черная) сажистая почва, *л* – буро-черно-оранжевая с вкраплениями пепла и золы почва, *м* – буро-серая с вкраплениями оранжевой почва, *н* – серо-желтая плотная глина с железистыми включениями, *о* – русловый песок, *п* – рыхлая мешаная почва.

Fig. 5. Stratigraphic profile (northern wall of the excavation site) of the Tartas-5 settlement. A drawing

Слой 6 – плотный белесо-желтый с включениями черного и коричневого суглинок. Залегал по всей площади раскопа. Мощность его от 0.04 до 0.95 м. Стерильный, не содержащий каких-либо следов жизнедеятельности. Происхождение слоя, по-видимому, связано с длительным периодом затопления поймы. Разная его мощность обусловлена изменением рельефа, на котором шло формирование слоя. Слой содержал от 1 до 5 слоев¹ серого (черного) гумусированного суглинка мощностью 0.01–0.1 м, формирование которых связано с периодами сухости и спада воды в речное русло.

Слой 7 – мешаная серо-желто-черная суглинистая почва, содержащаяся в морозобойных трещинах по всей площади. Связана с заполнением трещин последующими осадконакоплениями.

Слой 8 – ярко-оранжевая прокаленная (в результате самовозгорания) суглинистая супесь. Зафиксирован в виде линз и слоев в северной части раскопа, где отмечен сформированный зольник. В целом связан с культурным слоем 9. Мощность слоя до 0.04 м.

Слой 9 – мешаный темно-серый суглинок с желто-белесыми включениями, мощностью 0.2–0.45 м, залегал по всей площади раскопа под слоем 6. Культурный слой. Содержал многочисленные керамические материалы эпохи развитой бронзы и дробленые кости животных. В северной части раскопанного участка в слое 9 выявлена пачка слоев, связанных с зольником (слои 8, 10, 11–14). Мощность зольника варьировала от 0.06 до 0.16 м и связана с процессом накопления и самовозгорания копролитов животных и всевозможных отходов человеческой деятельности.

Слой 10 – серо-светло-оранжевая прокаленная супесь. Зафиксирован в виде линз мощностью до 0.04 м. Генезис слоя связан с зольником.

Слой 11 – желто-белесая почва с вкраплениями пепла и золы. Остатки самовозгорания копролитов (?). Представлен в виде линз мощностью до 0.04 м. Генезис слоя связан с зольником.

Слой 12 – темно-серая (черная) сажистая почва. Остатки самовозгорания копролитов (?). Зафиксирован в виде линз на зольнике мощностью до 0.04 м.

Слой 13 – буро-черно-оранжевая с вкраплениями пепла и золы почва. Выявлен по всей площа-

ди в северной части раскопа. Мощность – 0.05–0.16 м. Генезис слоя связан с зольником.

Слой 14 – буро-серая с вкраплениями оранжевой почва. Выявлен по всей площади в северной части раскопа, преимущественно над и под слоем 13. Мощность – 0.05–0.15 м. Формирование слоя связано с зольником.

Отметим, что все слои, связанные с формированием зольника, являются культуросодержащими и включают остатки человеческой деятельности в виде фрагментов керамики и дробленых костей животных.

Слой 15 выявлен по всей площади раскопа. Это – серо-желтая глина, плотная, с железистыми включениями. Это условный материк, на котором формировались культурные слои.

В северной части раскопа стерильный слой 15 был нами прорезан до уровня залегания руслового песка. В обнажении разреза этот слой прослеживается повсеместно (индексирован, как слой 16).

Наиболее впечатляющие материалы получены из культурного слоя 9 и сопутствующих линз и слоев зольника (8–14). Отметим, что генезис выявленного зольника удивительно напоминает голоценовые осадки, обнаруженные в свое время при изучении центрального грота Денисовой пещеры, которые сформировались в результате самовозгорания мощных слоев овечьих копролитов. Напомним, что они были надежно датированы афанасьевской культурой ранней поры бронзового века Горного Алтая и неоднократно фиксировались в других пещерах и гротах, где содержались овцы (Деревянко, Молодин, 1994). Вероятно, сходный процесс фиксируется на зольнике памятника Тартас-5.

При изучении культурного слоя эпохи бронзы выявлены остатки нескольких столбовых ям, врезанных в материк. Говорить о каких-то строительных сооружениях, впрочем, не приходится. Кроме того, выявлены следы двух кострищ небольших размеров, содержащих фрагменты керамики и даже раздавленные сосуды.

В культурном слое, и особенно в зольнике, обнаружено большое количество костей животных со следами рубки. Согласно предварительным проведенным определениям, кости принадлежат домашним животным – корове, овце и, в меньшей степени, лошади². Обнаружен фрагмент челюсти с зубами человека (возможные следы каннибализма?). Крайне любопытно, что на поселении, включая зольник, не было найдено ни одного сломанного костяного орудия.

¹ “Слоёк – тонкое плоское или волнистое тело осадочной горной породы, выделяемое по литологическим признакам в составе слоя или, реже, пласта. Слойки многократно повторяются в составе слоя, обуславливая его слоистость. Мощность слойка измеряется сантиметрами или миллиметрами” (Петрографический словарь, 1981. С. 383). В контексте археологических памятников термин используется в том числе при описании сложно структурированного культурного слоя.

² Выражаем особую благодарность Яне Эгер (Германский археологический институт) за определение костного материала.

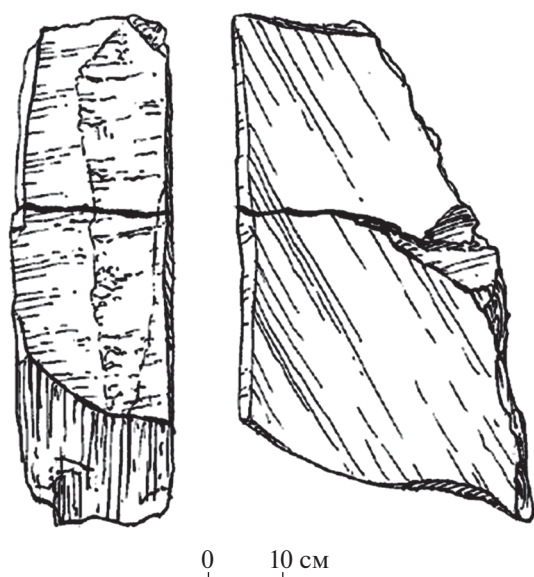

Рис. 6. Каменный абразив из культурного слоя поселения Тартас-5.

Fig. 6. An abrasive stone from the cultural layer of the Tartas-5 settlement

К орудийному набору относятся лишь два сломанных глиняных грузила и фрагмент изделия из кремня со следами полировки, переиспользованного в качестве абразива (рис. 6). Важно подчеркнуть, что данный фрагмент несомненно попал в Барабинскую лесостепь, скорее всего, с территории Казахстанского мелкосопочника или других территорий к западу и юго-западу от лесостепного Обь-Иртышья, и может маркировать направление движения носителей андроновской (федоровской) культуры. Собственного камня в регионе нет.

Наиболее представительным в культурном слое является керамический комплекс, содержащий не менее 2000 фрагментов. При этом 5 сосудов подлежат реконструкции. Форма и орнаментация керамики характерны для классической андроновской (федоровской) посуды. Это горшковидные и баночные сосуды. Для первой группы сосудов характерны изящная профилированная форма и зональное расположение орнамента, разделяемое горизонтальными каннелюрами (рис. 7, 1–8). Венчик украшался цепочкой косо поставленных

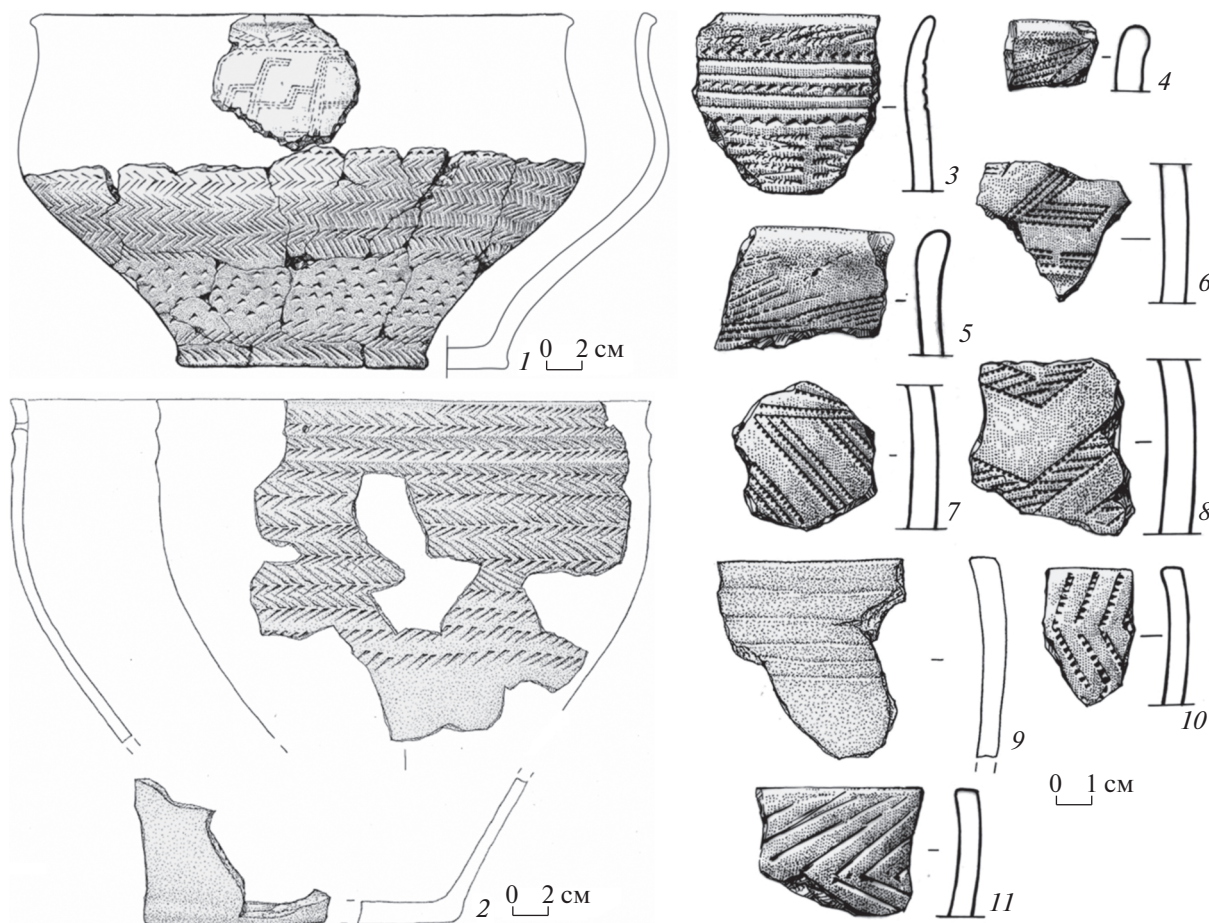

Рис. 7. Фрагменты керамики андроновской (федоровской) культуры из культурного слоя поселения Тартас-5.

Fig. 7. Fragments of the Andronovo (Fedorovo) pottery from the cultural layer of the Tartas-5 settlement

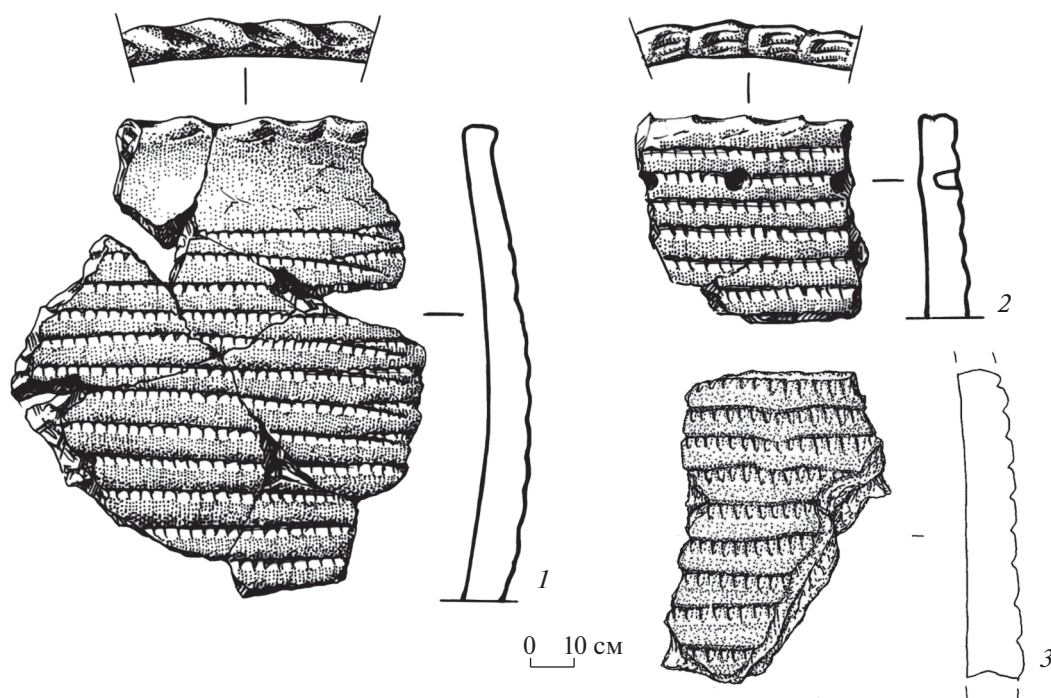

Рис. 8. Фрагменты керамики кротовской культуры из культурного слоя поселения Тартас-5.
Fig. 8. Fragments of the Krotovo pottery from the cultural layer of the Tartas-5 settlement

треугольников, верхняя часть тулова — меандровидными фигурами, а нижняя — треугольными фестонами. Довольно часто орнаментировались придонная часть и дно сосуда.

Баночная посуда (рис. 7, 9–11) или, как ее называют, кухонная посуда, орнаментирована по всему тулову “елочным”, вертикальным “зигзагом”, нанесенным гребенчатым или гладким штампом, а также рядами горизонтальных валиков в районе шейки. Подобная посуда имеет место в ряде поселенческих (и погребальных) комплексов андроновской (федоровской) культуры, аккумулированных Е.Е. Кузьминой в обобщающих работах (Kuzmina, 2007; Кузьмина, 2008).

Рассматриваемый комплекс ничем не отличается от погребальной посуды Барабы, хорошо известной по раскопкам здесь многочисленных андроновских (федоровских) могильников (Молодин, 1985). Впрочем, имеют место некоторые особенности орнаментики. Отметим хотя бы один реконструируемый сосуд, выполненный по всем канонам классического андроновского (федоровского) горшка, у которого нижняя часть тулова украшена хаотично нанесенными наколами, что совершенно нетипично для подобной керамики (рис. 6, 1).

Важно, что аналогичное сочетание нарядной (горшковидной) и баночной керамики мы наблюдаем на другом андроновском поселенческом слое памятника Каргат-6 (Молодин, Новиков, Софейков, 2000).

Таким образом, перед нами ярко выраженный поселенческий комплекс, который относится к андроновской (федоровской) культуре. Важно отметить, что наряду с андроновской посудой, в культурном слое найдено незначительное количество фрагментов керамики кротовской культуры (рис. 8). В нижней части культурного слоя, на материке, обнаружено небольшое кострище, сопровождаемое кротовскими фрагментами.

Полученные материалы на поселении Тартас-5 пока однозначно не подтверждают сосуществование носителей кротовской и андроновской (федоровской) керамики в рамках одного поселка, но и не отрицают вероятности последнего. Возможно, что мигранты с запада обосновались на территории уже оставленного аборигенами места обитания. Поскольку кротовская керамика отличается от андроновской и по составу формовочных масс, и по технологии изготовления, и по орнаментации (параллельные ряды отступающего гребенчатого штампа) — означенная проблема (по крайней мере в рамках памятника) еще требует своего решения.

По углю из столбовой ямы, надежно стратиграфически маркированной слоем андроновской (федоровской) культуры, получена радиоуглеродная дата 1499–1302 гг. до н.э. cal BCE \pm 2σ Intcal20, что свидетельствует о завершающей фазе периода средней бронзы в регионе.

С учетом новых серий калиброванных радиоуглеродных дат можно сказать, что начало процес-

са опосредованного воздействия андроновского мира на рассматриваемую территорию Барабинской лесостепи происходит на рубеже III–II тыс. до н.э. Последующий процесс взаимодействия двух популяций приходится на первую половину – середину II тыс. до н.э. (Молодин, 2019. С. 7). При этом следует понимать, что предлагаемая схема в реальной жизни была значительно более сложным и многогранным процессом, когда пришлые андроновцы сосуществовали на одних и тех же территориях уже со смешанным по сути населением, в то же время, какие-то волны миграций с запада осуществлялись уже этим смешанным населением, что в конечном итоге могло породить особые этнические группы со спецификой культурного колорита (Молодин, 2011. С. 58–69), что требует углубленного изучения их регионального своеобразия (Савинов, 2018; Косарев, 1965).

Не исключено, что население открытого андроновского (федоровского) поселения Тартас-5 хоронило своих умерших сородичей на огромном некрополе Тартас-1, расположенном совсем неподалеку, вниз по течению одноименной реки (рис. 1), матерьялы которого регулярно вводятся в научный оборот (см., например: Молодин и др., 2020). Немаловажен факт, что материалы этого могильника подтверждают прямой контакт аборигенов-позднекротовцев с пришельцами-андроновцами (федоровцами). Как бы то ни было, представляется перспективным проведение углубленных сравнительных исследований различных источников, представленных на обоих памятниках, с использованием широкого спектра мультидисциплинарных методов.

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Деревянко А.П., Молодин В.И.* Денисова пещера. Ч. 1. Новосибирск: Наука, 1994. 262 с.
- Косарев М.Ф.* О культурах андроновского времени в Западной Сибири // Советская археология. 1965. № 2. С. 242–246.
- Кузьмина Е.Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: Принт А, 2008. 358 с.
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В.* Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1988. 136 с.
- Молодин В.И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 174 с.
- Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И.* Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д.Г. Савинова / Ред. В.В. Бобров и др. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011 (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства; вып. VII). С. 58–69.
- Молодин В.И.* Современное состояние проблемы относительной и абсолютной хронологии Обь-Иртышской лесостепи в эпоху неолита и бронзы // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. № 1. С. 3–12.
- Молодин В.И., Гришин А.Е.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 5. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (Федоровской), ирменской и пахомовской культур. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сибирского отд. РАН, 2019. 223 с., 3 л. ил.
- Молодин В.И., Зах В.А.* Геоморфологическое расположение памятников эпохи неолита и бронзы в бассейнах рек Оби, Ини, Оми и их притоках // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири / Ред. Л.А. Чиндина. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. С. 51–53.
- Молодин В.И., Ненахов Д.А., Селин Д.В.* Мониторинг археологических объектов в Венгеровском районе Новосибирской области (близ села Старый Тартас) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отд. РАН, 2016. С. 348–353.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Софеев О.В.* Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. Новосибирск: Науч.-произв. центр по сохранению ист.-культур. наследия, 2000 (Материалы “Свода памятников истории и культуры народов России”; вып. 4). 224 с.
- Молодин В.И., Хансен С., Мильникова Л.Н., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Ненахова Ю.Н., Селин Д.В., Райнхольд С.* Работы Института археологии и этнографии СО РАН в Барабинской лесостепи в Новосибирской области // Археологические открытия 2018 года. М.: ИА РАН, 2020. С. 468–471.
- Савинов Д.Г.* Эталонный памятник андроновской культуры в Кемеровской области // Записки Института истории материальной культуры Российской академии наук. № 19. СПб., 2018. С. 70–79.
- Петрографический словарь / Под ред. В.П. Петрова, О.А. Богатикова. М.: Недра, 1981. 496 с.
- Kuzmina E.E.* The Origin of the Indo-Iranians. Leiden; Boston: Brill, 2007. 762 p.
- Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Ghikischeva T.A., Pozdnyakov D.V.* Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, Palaeogenetic and Anthropological data // Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics. Berlin; Boston, 2012. P. 93–111.

NEW DATA ON THE INTERACTION OF THE KROTOVO AND ANDRONOVO (FEDOROVO) BRONZE AGE CULTURES IN THE BARABA FOREST-STEPPE

Vyacheslav I. Molodin^{a,b,#} and Lilia S. Kobeleva^{a,b,##}

^a Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

^b Tomsk State University, Tomsk, Russia

[#]E-mail: molodin@archaeology.nsk.ru

^{##}E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

The article summarizes first results of studies on the materials from a new site of the developed Bronze Age in Vengerovo District (Novosibirsk Region, Baraba forest-steppe). The unique complex investigated with a modern multidisciplinary approach includes the remains of several pillar pits protruding into the bedrock. In addition, traces of two fire pits containing pottery fragments and crushed vessels were found. In the cultural layer, especially, in the ash pit, a large amount of pottery and animal bones with chopping traces was unearthed. According to the preliminary research, the bones belong to domestic animals, i.e. cow, sheep and, in a lesser degree, horse. The pottery shape and ornamentation are typical for classical Andronovo (Fedorovo) ware. At the same time, this complex does not differ in any way from the Baraba burial pottery, well known from the excavations of numerous Andronovo (Fedorovo) burial grounds. It is important to note that, along with the Andronovo pottery, a small number of ceramic fragments of the Krotovo culture were found in the cultural layer. The materials obtained from the Tartas-5 settlement do not yet unequivocally confirm the coexistence of bearers of the Krotovo and Andronovo (Fedorovo) pottery traditions within the same settlement. It is possible that migrants from the west settled on the territory already abandoned by the natives.

Keywords: Western Siberia, the Bronze Age, the Andronovo (Fedorovo) culture, the Krotovo culture, settlement, pottery.

REFERENCES

- Derevyanko A.P., Molodin V.I., 1994. Denisova peshchera [The Denisova cave], 1. Novosibirsk: Nauka. 262 p.
- Kosarev M.F., 1965. On the cultures of the Andronovo time in West Siberia. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 2, pp. 242–246. (In Russ.)
- Kuzmina E.E., 2007. The Origin of the Indo-Iranians. Leiden; Boston: Brill. 762 p.
- Kuz'mina E.E., 2008. Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoy kul'turnoy obshchnosti [Classification and periodization of sites of the Andronovo cultural community]. Aktope: Print A. 358 p.
- Matyushchenko V.I., Sinitsyna G.V., 1988. Mogil'nik u d. Rostovka vblizi Omska [A burial ground at the village of Rostovka near Omsk]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 136 p.
- Molodin V.I., 1977. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysheya [The Neolithic and Bronze Age of the forest-steppe Ob-Irtyshe region]. Novosibirsk: Nauka. 174 p.
- Molodin V.I., 1985. Baraba v epokhu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka. 200 p.
- Molodin V.I., 2011. Migration of the bearers of the Andronovo cultural and historical community to the Baraba forest-steppe. *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii: K 70-letiyu D.G. Savinova [Prehistoric art in archaeological perspective: To the 70th anniversary of D.G. Savinov]*. V.V. Bobrov, ed. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 58–69. (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva, VII). (In Russ.)
- Molodin V.I., 2019. The current state of the issue of the Ob-Irtyshe forest-steppe relative and absolute chronology in the Neolithic and Bronze Ages. *Mul'tidistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii [Multidisciplinary research in archaeology]*, 1, pp. 3–12. (In Russ.)
- Molodin V.I., Grishin A.E., 2019. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi [The Sopka-2 site on the Om River], 5. Kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov pozdnekrotovskoy (chernoozerskoy), andronovskoy (fedorovskoy), irmenskiy i pakhomovskoy kul'tur [Cultural and chronological analysis of the burial complexes of the late Krotovo (Chernoozerye), Andronovo (Fedorovo), Irmen and Pakhomovka cultures]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 223 p., ill.
- Molodin V.I., Khansen S., Myl'nikova L.N., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Durakov I.A., Nenakhov D.A., Nestorova M.S., Nenakhova Yu.N., Selin D.V., Raynkhol'd S., 2020. Activities of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS in the Baraba forest-steppe in Novosibirsk Region. *Arkheologicheskie otkrytiya 2018 goda [Archaeological discoveries of 2018]*. Moscow: IA RAN, pp. 468–471. (In Russ.)
- Molodin V.I., Nenakhov D.A., Selin D.V., 2016. Monitoring of archaeological objects in Vengerovo District of Novosibirsk Region (near the village of Stary Tartas). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sosedel'nykh territoriy [Issues of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]*, XXII. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 348–353. (In Russ.)

- Molodin V.I., Novikov A.V., Sofeykov O.V.*, 2000. Arkheologicheskie pamyatniki Zdvinskogo rayona Novosibirskoy oblasti [Archaeological sites of Zdvinsk District of Novosibirsk Region]. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya. 224 p. (Materialy "Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii", 4).
- Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Ghikischeva T.A., Pozdnyakov D.V.*, 2012. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, Palaeogenetic and Anthropological data. *Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. Berlin; Boston, pp. 93–111.
- Molodin V.I., Zakh V.A.*, 1979. Geomorphological location of Neolithic and Bronze Age sites in the basins of the Ob, Inya and Om rivers and their tributaries. *Osobennosti estestvenno-geograficheskoy sredy i istoricheskie protsessy v Zapadnoy Sibiri [Peculiarities of the natural geographical environment and historical processes in West Siberia]*. L.A. Chindina, ed. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 51–53. (In Russ.)
- Petrograficheskiy slovar' [Petrographic Dictionary]*. V.P. Petrov, O.A. Bogatikov, eds. Moscow: Nedra, 1981. 496 p.
- Savinov D.G.*, 2018. A referencne site of the Andronovo culture in Kemerovo Region. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk [Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS]*, 19. St. Petersburg, pp. 70–79. (In Russ.)